

Выбор основного словаря (основных словарей) возможен на базе очень разных теоретических посылок, но наиболее плодотворным представляется Д. Крону комплексный частотно-коммуникативный критерий (*frequentiell-kommunikativer Ansatz*).

В заключение следует заметить, что объединение собственно лингвистических и дидактических целей, в принципе возможное, все же создает в ряде случаев известную раздвоенность и задач, и результатов этой интересной и, бесспорно, полезной работы. Некоторая противоречивость создается также разнородностью исходного лексикографического материала. Он включает списки,

отражающие наиболее употребительный основной словарь немецкого языка, списки слов, характерных для его отдельных функциональных сфер (язык газеты, научный язык, разговорный язык), и даже для некоторых специфических областей науки (словари физики, химии, математики). Представляется, что задачи отбора лексем для основных списков, используемых в столь разных областях коммуникации, должны значительно различаться, что необходимо учитывать и при использовании и оценке тех или иных критериев отбора лексик.

Н.Н. Семенов

Linguistica Baltica. International journal of Baltic Linguistics / Editor: W. Smoczyński. W. Warszawa, 1992. 302 p.; *Colloquium Pruthenicum Primum*. Papers from the first International Conference of Old Prussian held in Warsaw, September 30-th – October 1-st, 1991 / Ed. by Smoczyński W. and Holvoet A. Warszawa, 1992. 184 p. + I-II.

Первый том журнала *Linguistica Baltica* (LgB) и материалы Первого Коллоквиума по прусскому (древнепрусскому) языку (СРР), проведенного под эгидой созданной в 1990 г. кафедры балтийской филологии Варшавского университета – убедительные свидетельства высокого международного авторитета польской баллистики. В Польше, стране высоко развитой индоевропеистики и славистики, всегда успешно велись и исследования по балтийскому языкознанию. Достаточно напомнить имена Я. Карловича, Я. Бодуэна де Куртенэ, В. Поржезинского, З. Рысевича, Е. Куриловича, Я. Отрембского, Т. Бух, Т. Лер-Сплавиньского, Я. Сафаревича. Последние годы отмечены новым и весьма значительным подъемом.

LgB и СРР содержат более сорока статей, а также (в LgB) – "Рецензии", "Хронику" и "Библиографию" – перечень баллистических публикаций в Польше и других странах за 1990–1991 гг. "Прусская" ориентация СРР по ряду причин соблюдена лишь отчасти. Не менее половины материалов выходят за рамки "узко" прусской проблематики, что как бы компенсируется работами по прусскому языку в LgB.

Статьи LgB и СРР затрагивают важнейшие аспекты баллистики: сравнительно-историческая фонология и морфология, синтаксис, лингвогеография, ареальные отношения, этимология и балто-славянские (балто-индоевропейские) лексические связи, текстология древних памятников, ономастика, гидронимика и др. Широкий диапазон проблематики и мно-

гочисленность работ обуславливает фрагментарность настоящей рецензии. Названия статей ради краткости приходится опускать.

Рассматривая появление рефлексов балт. *ā на месте ожидаемого *ā, например, в лит. *sodinti* 'садить' (модель апофонии *sed-~*sod-~*sēd-~*sōd- предполагала бы лит. *suodinti, ср. *suodžiai* 'сажа'), А. Баммесбергер усматривает его главную причину в совпадении рефлексов и.-е. *o, *a, *ā в балт. *a, что обусловило возможность преобразования исходного и.-е. *sod-: *sōd-(*suodžiai*) в балт. *sad-: *sād- (лит. *sodinti*) по аналогии с балт. *sta-: *stā- (лит. *statyti* 'ставить' и *stoti* 'стать') <и.-е. *stā-: *stā- (LgB, с. 49–54). А. Баммесбергер придерживается, по-видимому, традиционных взглядов на качество балт. рефлексов и.-е. *o, *a, *ā, чего нельзя сказать об А. Брейдаке. Исходя из большей архаичности прусского в сравнении с литовским, и прусского помезанского диалекта (Эльбингского словаря, далее Э) в сравнении с самбийским (в катехизисах), он аргументирует точку зрения, по которой написания *hordus* 'борода' (Э 101) и под. отражают протобалт. рефлекс и.-е. *o и *a, а написания типа *moazo* 'тетка' или *brote* 'брат' (Э 178, 173) – протобалт. рефлекс и.-е. *ā (LgB, с. 173–178). Соглашаясь, что высокая частотность употребления тех или иных слова может быть причиной изменения их фонетического облика (ср. англ. *God be with you* > *Good bye*), приходится тем не менее признать малоэффективными попытки В. Маньчака

(СРР, с. 23–30) универсализовать этот фактор в качестве причины, объясняющей такое, например, явление, как исчезновение гласной в номинативе прус. *-o-* основ, ср. *deiwas* и *deiws* ‘бог’.

Б. Стунджа на материале современного литовского языка осуждает тезис о немотивированности акцентной характеристики непроизводных имен, выделяя лингвистические и прагматические факторы, влияющие на акцентуацию слова (LgB, с. 71–83). Автор не оговаривает (или не учитывает) того, что мотивированность акцентной характеристики может быть вторичной, и не обнаруживает знакомства с соответствующим пассажем в книге В.А. Дыбо, где тезис о “немотивированности (традиционности) выбора акцентных типов у непроизводных имен” в балто-славянском рассматривается именно в связи с литовским материалом [1]. В другой статье Б. Стунджи обосновывается точка зрения, согласно которой оппозиция двух типов плюралиса (“обычного” и “собирательного”), представленная, например, в греч. *μῆροί* ‘бедренные части’ и *μῆρα* ‘совокупность таких частей’ (ед. ч. *μῆρος* ‘бедро, ляжка’) получила в восточнобалтийских диалектах акцентологическое выражение, так что баритонированные формы мн.ч. на *-(i)ai* у *-(i)o-* основ противопоставляются плюрализированным окситонированным собирательным формам на *-(i)ai* < **(i)āi*, ср. лит. *uošviai* ‘тёсти’ мн.ч., 1 литовская акцентная парадигма (а.п.) и *uošviai* ‘родители жены, их дом’, 4 лит. а.п. (СРР, с. 151–156). Заслуживает внимания, что на основе этого противопоставления объясняются отношения типа лит. *pūodai* мн.ч. ‘горшки’ и лтш. *puodi* мн.ч. ‘то же’. Развитие категории собирательности в балтийский язык специально исследуется В. Амбразасом (LgB, с. 35–48), в центре внимания которого оказывается анализ характеризующих *potipa collectiva* формантов **-ā-*, **-ij-ā-*, **-(i)io-* (ср. об этом суффиксе [2]) и **-ā-jo-*, **-ā-to-* и т.п.

У. Шмолстиг предлагает гипотезы о происхождении литовских окончаний 2 л.ед.ч. презенса (*-i* выводится из спряжения типа *miniti*: и.-е. **m̥n̥-ou-* > вост.-балт. **m̥n̥-e-* > **min-* > лит. *mini*) и 2–3 л. претерита (лит. *-ė-* < **-ē-*), сопоставляемого со славянскими аористами *nes-e*, *vez-e*, *ved-e* и т.п. Долгота **ē* в претерите объясняется аналогическим воздействием *ā*-претерита, реконструируемого в виде **pirkām*, **pirkās*, **pirkāt*, и т.п. (LgB, с. 25–33). Тот же автор (СРР, с. 39–45) дает еще одну версию окончания *-is* претерита в прусском, в которой возможные славянские соответствия, особенно аористы типа ст.-слав. *у-мрѣтъ*, играют решающую роль. В. Эйлер

рассматривает происхождение и функционирование личных местоимений 3 ед. в прусском (LgB, с. 127–141). Автор цитирует бесспорные иранские соответствия прус. *-di-*, считая, по-видимому, излишним касаться спорного вопроса об отношении *-di-* к болг. *еди-кой* ‘такой-то’ и близким славянским фактам [3; 4; 5]. В связи с прус. *stas* ‘der’ любопытно (по крайней мере, типологически) блр. диал. (дрогичинское Полесье) *стой, ста, стэ, сты* ‘этот, эта, это, эти’ [6]. В результате анализа прусских прилагательных с *-и*-основой П. Ванагс приходит к выводу об экспансии *-и*-основ в литовском как собственно литовском процессе, начало которого восходит к правосточнобалтийской эпохе, но не ранее (СРР, с. 85–91). Возникает, однако вопрос об интерпретации многочисленных схождения литовских адъективов с *-и*-основой и славянских с суффиксом *-ъk-*, ср. *saldūs* ‘сладкий’ – рус. *солодкий* и т.п. [7]. Эти схождения затрагиваются, помимо прочего, в статье М. Войтыла-Свежовской, анализирующей некоторые балто-славянские дериватологические параллели в кругу тематических отглагольных имен (LgB, с. 183–192). К указанию ряда тенденций в словообразовании латышских адъективов в сравнении с литовскими А. Блинкена приступает с несколько неожиданной стороны, а именно, имея в виду перспективу “рекреации” прусского языка (ср. [8]) и потенциального проявления в нем разного рода эволюционных процессов. Едва ли реалистично, однако, как-то связывать создание “новопрусского” с прослеживаемым у латышских адъективов сокращением (в активном узусе литературного языка) числа древних суффиксов, семантическими сдвигами отадъективных производных, субституцией консонантных суффиксов суффиксами, содержащими вокалический элемент (СРР, с. 121–127).

А. Холвумом, одним из двух издателей LgB и СРР, а также составителем “Библиографии”, написаны статьи о взаимоотношении объектной и спациональной и/или темпоральной функций латышского аккузатива (LgB, с. 103–112) и об изменениях в латышской падежной системе, вызванных тенденцией к устранению инструменталиса (СРР, с. 143–149). Ему же принадлежит рецензия на книгу В. Амбразаса о синтаксисе балтийских причастий (LgB, с. 241–246) и отклик на доклады Первого Коллоквиума по прусскому языку (LgB, с. 293–295). Л. Савицки исследует некоторые функции литовских генетива и датива (LgB, с. 93–101). Перу В.Б. Крысько принадлежит статья о балто-славянских конструкциях с двойным объектным аккузативом при транзитивных рефлексивных глаголах. На основании при-

влекаемого материала автор считает возможным сделать вывод об "общеевропейских" истоках исследуемого синтаксического явления (LgB, с. 11–24).

Лингвогеографический аспект баллистики (так или иначе затрагиваемый и в ряде других публикаций LgB и CPP) представлен статьей В. Руке-Драбини (LgB, с. 55–62), демонстрирующей с помощью атласа литовского языка и еще не опубликованного латышского атласа картографию ареалов палатального ζ и балтийских названий можжевельника и жабы. В статье четыре карты, причем, карта по ζ ограничена латышским, так как "Lietuvių kalbos atlasas" сведений об ζ не содержит. "Легенда" к карте ареала *krūnīpis* и т.п. названий жабы (LgB, с. 61) отличается чрезмерным лаконизмом, что теперь компенсируется исследованием А.П. Непокупного [9].

Статья Л. Беднарчука о явлениях структурной и ареальной конвергенции между балто-славянскими и прибалтийско-финскими языками подытоживается выводом о существовании в регионе между Валдаем и нижней Вислой языкового союза с участием локализующихся здесь "этнолектов". Вывод основывается на суммировании и анализе атрибутируемых данному союзу явлений, таких как симметрия вокалических систем, интенсивное развитие дистинктивной мягкости (вплоть до спонтизации палатальных), аккомодация, колебание согласных по признаку звонкости-глухости (ср. "baltische und slavische b/p-Fälle" по В. Кипарскому), тенденция к элиминации грамматического рода и ряда других (CPP, с. 99–120). Л. Беднарчук справедливо указывает, что привлекаемые им факты не исчерпывают всех исследуемых сходжений. Более важно, однако, то, что на основании имеющихся данных правильнее говорить все же о влияниях, а не о наличии языкового союза, но не "дотягивающих" до него из-за отсутствия достаточной полноты и гомогенности в реализации совокупности наблюдаемых конвергенций на всем ареале "południowo-wschodnich Pojezierzy Bałtyku" (CPP, с. 144)¹. Автора можно упрекнуть в игнорировании двух важных обсуждений проблематики языковых союзов в Прибалтике [10; 11]. Полезно было бы учесть работу, демонстрирующую разительные славянско-самодийские типологические сходства в развитии корреляции по палатальности [2. С. 114–119]. Не учитывает Л. Беднарчук полученную этимологическими средствами аре-

ально-генетическую характеристику "ятвяжского" языка [12], вносящую серьезные оговорки к предположению, что "ятвяжский" был "этнолектом", первоначально локализовавшимся у "pogranicza fińskiego", где-то в Курляндии (CPP, с. 106).

В. Смочинский, инициатор и издатель LgB и CPP, предлагает обширное исследование о прусских гапаксах на примере *dėigiskan* 'mild' (LgB, с. 143–171), а также обоснование фонетического закона, по которому в прусском имела место деназализация типа *aN > ai* (CPP, с. 47–83). Если это обоснование подтвердится, оно "будет иметь далеко идущие последствия для реконструкции прусской падежной системы..." (А. Холвут, LgB, с. 294). В "Хронике" LgB (с. 285–291) В. Смочинский публикует некролог выдающегося языковеда Я. Сафаревича (1904–1992 гг.).

Статья Э. Хэмпса о "кентумных" элементах в балто-славянском (ср. прус. *baignan* 'седло' при *balsinis* 'подушка' и т.п.), трактующая их как заимствования из "соседних кентумных диалектов" (LgB, с. 7–10), пожалуй, не дает ощутимого прогресса в решении проблемы, ср. более широкую ее постановку В.Н. Чекманом ([13] – "кентумные" рефлексы и рефлексы н.-е. *R > ur* как следы некоего индоевропейского диалекта). В другой статье Хэмпса (CPP, с. 13–14) в прус. *brote* 'брат' и в "Энхиридионе" *brāti* 'то же', *dukti* 'дочь' усматриваются отражения н.-е. **bhrātē* и **dhugHtē* (без -r). В статье Дж. Левина с интригующим названием "Голуби, коровы и апрель в Литве" рассматриваются лит. *balañdis* 'голубь', 'апрель' и 'безрогая скотина', *karvėlis* (собственно, 'коровка') 'голубь' и 'апрель'. Доказывается, что *balañdis*, в основу которого положен признак белизны – первоначальный эпитет к утраченному **galambis*, ср. слав. **golqby* (LgB, с. 85–91). Связующее же звено между коровой и голубем усматривается в том, что голубь – единственная птица, кормящая своих детенышей молоком, ср. лит. *balandžio pienas* (с. 87). Отнюдь не исключая правдоподобности соображений автора, нельзя не отметить, что его оригинальная аргументация (преимущественно – экскурсы в область орнитологии и биологии) оставляет без всяких комментариев – хотя бы критических – известное сравнение *balañdis* 'голубь' с осет. *bəlon* 'голубь домашний', заа *baurān* 'голубь' ([14] – наряду с малоудачным сопоставлением *bəlon* с др.-инд. *bāla* 'дитя'), а также параллелизм лит. *balañdis* 'голубь' – *balānda* 'лебедь' и слав. **elbedь* 'лебедь' – **elbeda* 'лебедь'. Лит. *karvėlis* 'голубь' очень близко к рус. диал. (владимир.) корóвка 'порода

¹ Выработке мнения рецензента по поводу статьи Л. Беднарчука способствовала консультация Е.А. Хелимского.

небольших диких голубей; голубь этой породы' ([15]; Ф. [4. Вып. 11. С. 119]), которое, по Левину, тоже следовало бы отнести на счет "одних и тех же эндокринных механизмов у голубей и млекопитающих" (LgB, с. 88). В Тенхаген правдоподобно толкует значение прус. *mercline* (Э 248) как 'Nieselregen, моросящий дождь' и сближает его с лит. *meřkti merkiū* 'мочить' (LgB, с. 113–125). Нельзя все же исключить если не родство, то, по крайней мере, контаминацию *mercline* с фактами типа лит. *mėrkti mėrkiū* 'закрывать глаза, мигать' (любопытно с.-хорв. *mrkлина, mrkлина* 'темнота', 'мрак'), ср. рус. диал. *морóчить* 'моросить': 'мелкий дождь' < 'мрак с дождем' < 'туча, мрак' (ср. [4. Вып. 19. С. 216, 218]). Р. Эккерт уточняет славянское соответствующее прус. *kellewesze* 'возница' – рус.-цслав. *коловозъць, коловозець* 'кочевник' (LgB, с. 179–182). Он же дает утвердительный ответ на вопрос "Gibt es eine altpreußische Phraseologie?", подтверждая свое мнение (эксплицирующее уже имеющиеся наблюдения В.Н. Топорова) перечислением нескольких примеров, таких, как прус. *Deiwa engraudis* 'erbarme dich Gott', рус. *не грусти Бога – грех* (СРР, с. 7–11). Строго говоря, речь здесь идет не о фразеологизмах, а об устойчивых лексических сочетаниях. Справедливо напоминание о необходимости создания нового балто-славянского словаря (взамен известного словаря Р. Траутмана) как давно назревшей задаче балто-славянского языкознания, В. Борысь предлагает удачное сближение словен. *vėgast* 'шаткий, неустойчивый', *vėgav* 'то же', *vėgati se* 'шататься', с.-хорв. *vėgav* 'кривой, изогнутый' и близких фактов с лит. *vėngti* 'избегать, уклоняться, увиливать' и проч. (LgB, с. 193–199). Полезно напомнить, что с помощью лит. *vėngti*, а также *vangūs* 'вялый, медлительный, ленивый', *vingiuoti* 'извиваться, петлять' в т.п. В. Урбутис подтверждал сопоставление чеш. *liknavý* 'нерешительный, медлительный', 'колеблющийся', 'ленивый' с лит. *ližklas* 'тонкий, гибкий, стройный' [16]. Перечень балто-южнославянских лексических соответствий пополняется и в другой статье В. Борысь (СРР, с. 129–134), где ю.-слав. **eža* 'полоса земли', 'межа', 'грядка' отождествляется с лит. *ežiā*, лтш. *eža* в сходных значениях < балт.-слав. **ež iā*.

В статье К. Витчака, содержащей обоснование реконструкции и.-е. **ə₂k'pēwā* 'бузина' и анализ его балтийских и других рефлексов (LgB, с. 201–211), обращает на себя внимание сообщение, что в университете г. Лодзь готовится "a new Indo-European dictionary" (LgB, с. 208, примеч. 12). Статью

завершает "lexical entry" из этого словаря (э₂ передается в нем как *ā*) для **āk'pēwā*, где приводятся, кроме прочего, греч. *ακτέα* 'бузина' и балт. **žewā* 'то же' > лит. *žėivā-medis, žėiv-medis* 'то же'. "Неожиданный дифтонг", по мнению автора, обусловлен народно-этимологическим притяжением рефлекса балт. **žewā* к *žėivā* 'цевка, шпудля'. Однако, предлагаемое объяснение лит. *žėiv(a)-* в *žėivā-medis, žėiv-medis* 'бузина' (то же слово применяется и к разновидностям *Sambucus*, бузины – *Sambucus racemosa* и др., и к сирени – *Syringa vulgaris*), скорее всего, ошибочно. Это слово генетически тождественно *žėivā*, ср. еще слав. **sěva* 'цевка, трубка из стебля растений', 'трубка, дудка', **sěvъ* 'то же' (ср. и диал. **kěvъ* 'то же', а также фин. *käämi, käävi* 'цевка', эст. *kääv* 'то же' < рус. [17]). Это тождество доказывается той особенностью бузины (или сирени), что из ее стволов "... благодаря легкости извлечения сердцевины получают трубочки, свирели", ср. лат. *syringa* 'сирень' < греч. *σῦριγξ* 'трубка, флейта, свирель', с.-хорв. *sijev'turka z b z u lub trzciny* [5. Т. II. С. 85]. Лит. *žėiv(a)medis* можно сопоставить с рус. *цѣвочникъ-пищальникъ* '*Sambucus racemosa*' [18], ср. *цевница* 'свирель, флейта'. Реконструкция балт. **žewā* 'бузина' у Витчака крайне сомнительна (не внушает большого доверия и **āk'pēwā*). В другой статье К. Витчак отвергает предположение Я. Эндзелина о реликтах дуалиса в прус. *nozu* 'нос' и *austo* 'рот' (Э 85, 89), усматривая такие рефлексy в прус. *strannau* 'бедро', *broakau* 'штаны' (Э 136, 481), а также в "ятвяжск." *libai* 'губы' (СРР, с. 93–98). Пока нет уверенности, что гипотезу Витчака нельзя оценить его собственным вердиктом по поводу упомянутого предположения Я. Эндзелина: "... not convincing, because... these forms can be explained in another way" (СРР, с. 93).

Г. Риков в терминах ларингальной теории уточняет индоевропейский источник лит. *pažėl* 'напрасно' и сравниваемых с последним индоевропейских фактов (LgB, с. 213–216). С. Каралюнас рассматривает балтийские и другие рефлексy и.-е. **āi-* 'гореть, пылать', в частности, лит. *aiškus* 'ясный, светлый', слав. **ēs(k)ntъ* 'то же', прус. *enpoys* 'лихорадка' (LgB, с. 217–223; в статье дважды приведено др.-инд. *indhé*, надо: *inddhé*). Кроме того, Каралюнас на основании реконструируемого им балт. **arwa-* 'быстрый' объясняет прус. *arwaikis* 'жеребенок' (Э 484); прус. *swintian* 'свинья' и лит. *syūnas* 'загон для свиней' он

связывает с и.-е. **sūn(o)-* 'свинья', а прус. *seweynis* 'свинарник' вслед за Я. Эндзелем – с и.-е. **sū* 'свинья' (СРР, с. 14–21).

Г. Микелини выявляет некоторые общие моменты в текстологии "Эхиридиона" и древнелитовского перевода латинского трактата "Margarita Theologica" (СРР, с. 31–37). Обосновывая неправомерность пренебрежения данными описаний прусов у Э. Стеллы и П. Джамбуллярно (XVI в.), П. Дини анализирует содержащиеся в них следы преданий о Видевуте и его имя *Biotterus-Biottero*, обойденное вниманием в прусской этимологии (СРР, с. 135–141).

В.Н. Топоров в широком археологическом и этноязыковом контексте рассматривает "круг гидронимов Верхнего Подонья, подозреваемых в балтийском происхождении" – *Смолка, Табола, Деготенка, Мжара* и т.п. (LgB, с. 225–240). А. Балуоде разбирает ряд тождественных семантических мотивировок (по цветовому признаку) латышских, литовских и прусских гидронимов (LgB, с. 157–172), а К. Шчесняк – особенности написания восточнопрусских топонимов в ряде документов середины XIX в. (СРР, с. 173–176).

Трагическая участь литовского населения бывшей Восточной Пруссии (Прусской Литвы) и балтийской топонимии этого региона – тема статьи З. Зинквичюса, затрагивающего также вопрос о современном состоянии и изучении тамошних литовских говоров (LgB, с. 63–69). "Сталинисты не оставили в древнем краю балтов ни единого литовского или иного балтийского названия..." (с. 65), причем, заменялись даже гидронимы, ср. *Āismarēs* → *Вислинский залив*, *Ametā* → *Строговка*, *Gilijā* → *Матросовка*, *Nemūnynas* → *Злая* и т.п.

Высказанные выше в порядке дискуссии замечания ни в коей мере не препятствуют общему выводу о чрезвычайно высоком научном уровне LgB и СРР. Все без исключения статьи обнаруживают превосходное знание материала, отточенную исследовательскую технику, широту и "остроту" в трактовке наиболее актуальных проблем балтистики. Хорошее впечатление оставляет полиграфическая сторона дела. Поздравляя издателей и участников обоих изданий с успешным дебютом, хочется пожелать не менее успешного их продолжения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дыбо В.А. Славянская акцентология. Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском. М., 1981.
2. Хелимский Е.А. Две заметки о славяно-самодийских аналогиях // Балто-славянские исследования 1983. М., 1984.
3. Топоров В.Н. Прусский язык. Словарь. А–Д. М., 1975. С. 344.
4. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 8. М., 1981. С. 185.
5. Słownik prasłowiański. T. VI. Wrocław, 1991. S. 13.
6. Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе награнічча. Т. IV. Мінск, 1984. С. 587.
7. Откупщиков Ю.В. Балтийские и славянские прилагательные с -и- основой // Baltistica 1983. XIX/1, С. 13–14.
8. Палмайтис М.Л., Топоров В.Н. От реконструкции старопрусского к рекреации новопрусского // Балто-славянские исследования 1983. М., 1984. С. 36–63.
9. Непокупный А.П. Славянские названия земноводных в составе северноевропейского словаря // Слов'янське мовознавство. Київ, 1993. С. 112–123.
10. Топоров В.Н. К балтийско-скандинавским мифологическим связям // Donum Balticum. To Prof. Ch. S. Stang on the occasion of his 70th birthday. Stockholm, 1970.
11. Судник Т.М., Толстая С.М., Топоров В.Н. К характеристике южной части балтийско-славянского языкового союза // Советское славяноведение 2, 1967.
12. Орел В.Э., Хелимский Е.А. Наблюдения над балтийским языком польско-"ятвяжского" словарика // Балто-славянские исследования. 1985. М., 1987.
13. Чекман В.Н. Об отражении индоевропейских плавных в балтославянском языковом ареале // Acta Baltico-Slavica, 1976. 9. С. 17.
14. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.–Л., 1958. С. 249.
15. Словарь русских народных говоров. Вып. 14. Л., 1978. С. 355.
16. Urbitis V. – Baltistica VIII/2, 1972: Rec.: Этимология 1968. М., 1971.
17. Николаев С.Л., Хелимский Е.А. Славянские (новгородско-псковские) заимствования в прибалтийско-финских языках: -а- и -и- в рефлексах имен мужского рода // Uralo-Indogermanica. Балто-славянские языки и проблема урало-индоевропейских связей. Материалы 3-ей балто-славянской конференции. Ч. I. М., 1990. С. 41.
18. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. 4-е изд. СПб.–М., 1913. Т. I. Стлб. 336.

А.Е. Аникин